

Манерова О.А.¹, Маркина А.Ю.²

Современные причины отказов от новорожденных в учреждениях родовспоможения

¹ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России, ²ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России

Manerova O.A., Markina A. U.

Modern reasons for rejecting newborns in maternity care institutions

Резюме

В статье представлены результаты социологического и психологического исследований современных причин оставления женщинами своих новорожденных детей в учреждениях родовспоможения Челябинской области. Результаты социологического анализа перепроверены с помощью психологического тестирования. Материал и методы исследования. Проведено анкетирование 137 матерей-отказниц из городов Челябинской области в 2015, 2017 и 2019 годах. Определены причины отказа от новорожденных, медико-биологическая и социально-экономическая характеристики респондентов. Результаты социологического исследования перепроверены на 35 женщинах, оставивших своих новорожденных в родильных домах в 2019 году с помощью специально разработанного психологического «Теста на скрытое материальное благополучие». Цель исследования – выявить современные причины отказов от новорожденных непосредственно в учреждениях родовспоможения. Результаты. В течение всех трех лет исследования ведущей причиной отказа от новорожденного ребенка женщины называли тяжелое материальное положение (52,6±7,2% опрошенных). Второй по частоте причиной было девиантное материнство, сформировавшееся еще до рождения ребенка (26,6±3,5%). Тройку основных причин отказа от новорожденных замыкала тяжелая патология у ребенка (14,5±5,1%). Следующей причиной являлось внебрачное происхождение ребенка у одиноких женщин-мигранток из ближнего зарубежья (4,8±1,1%). В 2017 году 4,8% опрошенных матерей указали на отсутствие жилья. Заключение. Психологическое тестирование уточнило результаты социологического исследования и показало, что реальная доля тяжелого материального положения как причины отказа составляла всего 14,5%. Каждый второй отказ от новорожденного (51,5%) происходит по причине девиантного материнства. В каждом четвертом случае (25,7%) причиной отказа является тяжелая патология у новорожденного

Ключевые слова: раннее социальное сиротство, причины отказов от новорожденных, матери-отказницы**Для цитирования:** Манерова О.А., Маркина А.Ю. Современные причины отказов от новорожденных в учреждениях родовспоможения, Уральский медицинский журнал, №04 (187) 2020, с. 80—85, DOI 10.25694/URMJ.2020.04.12

Summary

The article presents the results of sociological and psychological research of modern reasons for women leaving their newborn children in maternity institutions in the Chelyabinsk region. The results of the sociological analysis were rechecked using psychological testing. Material and methods. A survey was conducted of 137 mothers-refusals from the cities of the Chelyabinsk region in 2015, 2017 and 2019. The reasons for rejection of newborns, medical-biological and socio-economic characteristics of respondents were determined. The results of the sociological study were rechecked on 35 women who left their newborns in maternity homes in 2019 using a specially developed psychological "test for hidden material well-being". The purpose of the study is to identify the current reasons for rejecting newborns directly in maternity institutions. Results. During all three years of the study, women named their financial situation as the leading reason for abandoning a newborn child (52.6±7.2% of respondents). The second most common cause was deviant motherhood, formed before the birth of the child (26.6±3.5%). The three main reasons for rejection of newborns were closed by severe pathology in the child (14.5±5.1%). The next reason was the illegitimate origin of the child in single migrant women from neighboring countries (4.8±1.1%). In 2017, 4.8% of mothers surveyed indicated a lack of housing. Conclusion. Psychological testing clarified the results of the sociological study and showed that the real share of financial hardship as a reason for refusal was only 14.5%. Every second rejection of a newborn (51.5%) is due to deviant motherhood. In every fourth case (25.7%), the cause of failure is a severe pathology in the newborn.

Key words: early social orphanhood, reasons for rejecting newborns, mothers who refuse their child

For citation: Manerova O.A., Markina A.U., Modern reasons for rejecting newborns in maternity care institutions, Ural Medical Journal, №04 (187) 2020, p. 80—85, DOI 10.25694/URMJ.2020.04.12

Введение

Эффективное решение проблемы раннего социального сиротства требует понимания подлинных причин, формирующих данное явление. Только в этом случае значительные временные и материальные затраты приведут к нужному результату, который определяется не только финансовыми расходами государства, но и будущим благополучием детей. Таким образом, организация действенной первичной профилактики отказа от новорожденных нуждается в точных и современных научных данных [1, 2, 3].

Стоит отметить, что при изучении проблемы раннего социального сиротства многие отечественные [4, 5] и зарубежные [6, 7, 8, 9] специалисты опирались в первую очередь на социологические методы исследования – анкетирование самих матерей-отказниц. Их ответы становились основой для последующих научных выводов. Как следствие, главную, а иногда и единственную причин отказов от новорожденных авторы находили в материальных затруднениях матери или ее семьи. В этом случае есть минимум два аспекта, вызывающих сомнения. Во-первых, искренность ответов самих матерей-отказниц. Во-вторых, неизменность главной причины отказов от новорожденных на фоне смены поколений женщин, значительной трансформации социально-экономической жизни общества, развития контрацепции [10, 11]. Выходом из данной ситуации видится необходимость использовать в дополнение к социологическим инструментам исследования психологические – перепроверять психологическим тестированием результаты опросов матерей-отказниц относительно причин оставления ими новорожденных [12, 13].

Цель: установить современные причины отказов от новорожденных непосредственно в учреждениях родовспоможения.

Материал и методы

С помощью социологического исследования по разработанной анкете, включающей 35 вопросов, в 2015, 2017 и 2019 годах было обследовано 137 матерей-отказниц из городов Челябинской области. С помощью опроса выяснялись причины отказа от новорожденных, а также медико-биологическая и социально-экономическая характеристика матерей-отказниц. Результаты социологического исследования были перепроверены с помощью специально разработанного лично автором психологического «Теста на скрытое материальное благополучие». Тестирование прошли 35 матерей-отказниц, оставивших своих новорожденных в родильных домах в 2019 году. Анализ статистических закономерностей и корреляционных связей проводился с помощью SPSS Statistics Base 22.0. Для определения статистической значимости различий или сходства показателей сравниваемых групп был применен расчет непараметрического критерия Вилкок-

сона–Уайта для несвязанных совокупностей (T). Различия признавались достоверными, если вычисленный показатель T был меньше табличного T05. Для выяснения случайности или значимости изменений уровней показателей в динамике по годам исследования был использован критерий итераций (Z). Значимость изменений уровней признавалась достоверной, если вычисленный Z был меньше табличного Z05 [14].

Результаты и обсуждение

Все причины, которыми в ходе пилотного исследования респонденты обосновывали свой отказ от новорожденного, сведены к пяти основным: тяжелое материальное положение (формулировались опрошенными как «бедность», «недостаток денег», «отсутствие постоянного источника доходов»), девиантное материнство («конфликты с близкими», «наличие социально значимых и опасных заболеваний», «отсутствие материнского инстинкта»), тяжелая патология у ребенка, отсутствие жилья и внебрачное происхождение ребенка у гражданки другого государства (таблица 1).

Главной причиной оставления новорожденного в учреждениях родовспоможения, фигурировавшей в ответах респондентов на протяжении всех лет исследования, является тяжелое материальное положение. Им мотивировали свои действия в среднем за рассматриваемый период 52,6±7,2% матерей-отказниц. Тем не менее, удельный вес данной причины неуклонно сокращался: с 61,4% в 2015 году до 37,1% в 2019 г., темп снижения – 60,4%. При этом в российской обществе кризис, связанный с внутренними экономическими проблемами и внешней политической ситуацией, только усиливался. Соответственно, наблюдается противоречие между динамикой субъективной мотивации опрошенных и динамикой объективной экономической реальности.

В тройку лидирующих причин отказа от новорожденного вошли также девиантное материнство, сформировавшееся еще до рождения ребенка, и тяжелая патология у новорожденного. Признаки девиантного материнства присутствовали в среднем в 26,6±3,5% ответов, а удельный вес данной причины за три года исследования был подвержен случайным колебаниям ($Z > Z_{05}$). В свою очередь тяжелое заболевание у ребенка как основание для отказа фигурировало в среднем за рассматриваемый период в 14,5±5,1% ответов. При этом удельный вес данной причины увеличился ($Z < Z_{05}$) в 7,5 раз: с 3,4% в 2015 году до 25,7% в 2019-м.

Наименее распространенными причинами отказа стали такие, как внебрачное происхождение ребенка у одинокой женщины-мигрантки из стран СНГ и отсутствие жилья. Внебрачное происхождение ребенка у гражданки другого государства присутствовало в среднем в 4,8±1,1% ответов. При этом удельный вес данной причины увеличился ($Z < Z_{05}$) в 2,5 раза: с 3,4% в 2015 году до

Таблица 1. Структура причин отказов от новорожденных (%)

Причины отказа от новорожденных	Годы исследования		
	2015	2017	2019
Тяжелое материальное положение	61,4	59,3	37,1
Признаки девиантного материнства	31,8	19,2	28,7
Тяжелая патология у ребенка	3,4	14,3	25,7
Внебрачный ребенок у гражданки другого государства	3,4	2,4	8,5
Отсутствие жилья	-	4,8	-
Итого	100	100	100

Таблица 2. Динамика ежемесячного подушевого дохода в разрезе изучаемых контингентов (%)

Годы исследования	2015				2017				2019			
	Среднемесячный подушевой доход	Контингенты женщин	< 1 МРОТ	1-1,5 МРОТ	1,5-2 МРОТ	> 2 МРОТ	< 1 МРОТ	1-1,5 МРОТ	1,5-2 МРОТ	> 2 МРОТ	< 1 МРОТ	1-1,5 МРОТ
Указавшие на тяжелое материальное положение	89,2	2,7	5,4	2,7	91,9	8,1	-	-	92,3	7,7		
С признаками девиантного материнства	97,2	1,4	1,4	-	92,4	-	3,8	3,8	90,5	9,5		
Указавшие на тяжелую патологию у ребенка	100	-	-	-	83,3	16,7	-	-	77,8	22,2		
Иностранки	100	-	-	-	100	-	-	-	100	-		
Указавшие на плохие жилищные условия	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-		

8,5% в 2019 г. Отсутствие жилья как обоснование отказа от новорожденного было зафиксировано только в 2017 году: это отметили 4,8% матерей-отказниц.

Важным аспектом исследования является материальное положение матерей-отказниц. Особый интерес этот вопрос представляет в связи с указанным выше противоречием между изменениями в субъективной мотивации респондентов, назвавших свое материальное положение тяжелым, и объективными экономическими условиями. Как показал анализ, ежемесячный подушевой доход подавляющего большинства представительниц данного контингента во все годы исследования был на уровне минимального размера оплаты труда (МРОТ): от 89,2% в 2015 году до 92,3% в 2019 г. В среднем же за рассматриваемый период материальное положение данной группы женщин ухудшилось (таблица 2). И хотя увеличилась доля имевших подушевой доход 1–1,5 МРОТ (порядка 13–19,5 тыс. рублей в денежном выражении 2019 года): с 2,7% в 2015 году до 7,7% в 2019-м. Только в 2015 году в данной категории были зафиксированы респонденты с доходом больше 1,5 МРОТ.

Женщины-отказницы с признаками девиантного материнства также располагают весьма ограниченными средствами к существованию. У подавляющего большинства из них подушевой доход находится на уровне 1 МРОТ. Однако в среднем за период исследования материальное положение данной группы несколько улучшилось. С одной стороны, сократилась доля тех, кто имел подушевой доход на уровне 1 МРОТ: от 97,2% в 2015 г. до 90,5% в 2019 году. С другой стороны, увеличилась крайне небольшая доля опрошенных с подушевым доходом

1–1,5 МРОТ: с 1,4% в 2015 году до 9,5% в 2019 г. При этом респонденты с доходом больше 2 МРОТ были зафиксированы только в 2017 году.

Среди женщин, которые отказались от большого новорожденного, материальное положение в среднем за рассматриваемый период улучшилось. Так, в 2015 году эта группа была полностью представлена респондентами с подушевым доходом на уровне 1 МРОТ. В 2017 г. их стало меньше (83,3%) и появились те, чей подушевой доход составлял 1–1,5 МРОТ (16,7%). В 2019 году это соотношение еще больше изменилось в сторону последних – 77,8 и 22,2%, соответственно.

Самый низкий доход зафиксирован у женщин-мигранток: во все годы исследования у 100% опрошенных данной группы он составлял меньше 1 МРОТ. У всех респондентов, указавших на отсутствие жилья и отмеченных только в 2017 году, он также составил около 1 МРОТ.

Исследование источников поступления средств, их характера и степени постоянства во многом объясняет низкий уровень доходов респондентов (таблица 3). Так, в группе указавших на тяжелое материальное положение основные источники средств имеют неофициальный характер – это случайный заработок, «черный нал» (выплата наличными деньгами без оформления суммы) и продажа вещей. В среднем близко к половине опрошенных (43,5±7,1%) существуют на доходы от случайного заработка, а в 2019 году их доля составила 53,8%. За счет «черного нала» живут 21,5±4,1% респондентов, и за рассматриваемый период их доля увеличилась: с 13,5% в 2015-м до 23,1% в 2019 году с темпом роста в 171,1%. Продажа (перепродажа) вещей или находок тоже

Таблица 3. Динамика структуры источников доходов у женщин-отказниц (%)

Годы исследования Источники дохода	2015					2017					2019				
	зарплата	случайный заработок	черная зарплата	продажа вещей	пенсия по инвалидности	зарплата	случайный заработок	черная зарплата	продажа вещей	пенсия по инвалидности	зарплата	случайный заработок	черная зарплата	продажа вещей	пенсия по инвалидности
Указавшие на тяжелое материальное положение	18,9	48,6	13,5	13,6	5,4	8	28	28	32	4	7,7	53,8	23,1	15,4	-
С признаками девиантного материнства	-	15,7	84,3	-	-	-	15,8	84,2	-	-	-	66,7	22,2	11,1	-
Указавшие на тяжелую патологию у ребенка	50	-	-	-	50	17	-	83	-	-	44,4	22,3	11,1	11,1	11,1
Иностранки	-	-	100	-	-	-	-	100	-	-	-	-	100	-	-
Указавшие на плохие жилищные условия	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 4. Распределение дополнительных источников дохода у женщин-отказниц по их постоянству (%)

Годы исследования Источники дохода	2015				2017				2019			
	постоянно	периодически	эпизодически	нет	постоянно	периодически	эпизодически	нет	постоянно	периодически	эпизодически	нет
Указавшие на тяжелое материальное положение	21,6	29,7	16,2	32,5	8,0	4,0	4,0	84,0	7,7	-	23,1	69,2
С признаками девиантного материнства	-	-	-	100	12,5	-	25,0	62,5	-	-	20,0	80,0
Указавшие на тяжелую патологию у ребенка	-	-	-	100	16,7	16,7	66,6	-	11,1	11,1	22,2	55,6
Иностранки	-	-	50,0	50,0	-	-	2,4	97,6	-	-	66,7	33,3
Указавшие на плохие жилищные условия	-	-	-	-	-	50,0	50,0	-	-	-	-	-

в данной группе достаточно распространена – 20,3±4,1%. Одновременно с этим за годы исследования значительно уменьшилась доля тех, кто имеет официальную заработную плату: с 18,9% в 2015 году до 7,7% в 2019 г. Еще один официальный источник доходов – пенсия по инвалидности – встречается редко и нерегулярно.

В группе женщин с признаками девиантного материнства наметившийся характер структуры источников дохода становится еще более очевидным: официальные источники заработной платы и пенсия по инвалидности отсутствуют, как и в предыдущей группе, основным доходом является «черный нал» (63,6±10,1% опрошенных). Обращает на себя внимание то, что его доля, составлявшая более 84% в 2015 и 2017 годах, в 2019 г. сократилась в 3,5 раза. Это произошло во многом за счет увеличения доли случайного заработка, которая в 2015 и 2017 годах составляла чуть более 15%, а в 2019 г. выросла вчетверо – до 66,7%. Продажа вещей также присутствует в структуре источников дохода у данного контингента (11,1%),

но имеет нерегулярный характер.

В группе женщин, отказавшихся от большого новорожденного, изначально характер структуры источников дохода был иной: в 2015 году присутствовали только официальные источники – официальная заработная плата и пенсия по инвалидности (по 50%). Однако в 2017 г. ситуация кардинально меняется: 83,0% респондентов указывают в качестве средств к существованию «черный нал». В 2019 году вновь увеличивается доля официального дохода (до 55,5%) и резко сокращается доля «черного нала» (до 11,1%), а также появляются случайный заработок и продажа вещей.

В оставшихся группах респондентов источники средств однородны: у мигранток все годы исследования доход состоит из «черного нала», у отметивших проблемы с жильем – из случайных заработков.

Низкие доходы, как правило, подвигают женщин, имеющих детей, на поиск дополнительного заработка. Но у матерей-отказниц такой практики не наблюдается.

Так, материальное положение респондентов, назвавших экономические причины отказа от ребенка, только ухудшилось. С одной стороны, доля опрошенных с постоянным дополнительным заработком значительно сократилась: с 21,6% в 2015 году до 7,7% в 2019-м (таблица 4). Как и доля тех, чей дополнительный доход носил периодический характер: с 29,7% в 2015 году до 4,0% в 2017 г., а в 2019г. они отсутствовали вовсе. С другой стороны, в 1,5 и 2 раза соответственно увеличилась доля имевших дополнительный доход эпизодически и не имевших его совсем.

В группе респондентов с признаками девиантного материнства ситуация с дополнительным доходом выглядит несколько иначе. Так, в 2015 году его не было вообще, но в 2017 г. постоянный источник дополнительного дохода появился у каждой восьмой (12,5%), а эпизодический – у каждой четвертой (25%). Однако в 2019 году снова увеличилась доля не имеющих дополнительного дохода совсем (80%), у остальных он имел эпизодический характер.

У женщин, отказавшихся от больного новорожденного, в 2015 году также совсем не было дополнительных доходов. Зато в 2017-м не было тех, кто не имел бы дополнительного дохода. У каждой шестой (16,7%) он носил либо постоянный, либо периодический характер, у остальных – эпизодический. В 2019 году ситуация снова меняется: доля имевших постоянный либо периодический доход уменьшается в полтора раза (до 11,1%), доля имевших дополнительный доход эпизодически – в три раза (до 22,2%). У более чем половины дополнительный доход отсутствует.

Среди женщин-мигранток наблюдаются две категории – имеющие эпизодический дополнительный доход и не имеющие его вообще. В равных долях (по 50%) они присутствуют в 2015 году, в 2017-м дополнительного дохода нет практически ни у кого, а в 2019 году – он отсутствует только у каждой третьей. А в группе респондентов, не имеющих жилья и отмеченных только в 2017 году, дополнительный доход есть у всех. Его источники в равных долях (по 50%) носят периодический либо эпизодический характер.

В процессе работы была установлена важная особенность: у женщин с признаками девиантного материнства, а также женщин, ссылавшихся на тяжелое материальное положение, медико-социальные характеристики оказались в значительной степени схожи. Это поставило под сомнение честность ответов последних. Чтобы развеять возникшие подозрения, было проведено дополнительное исследование с помощью «Теста на скрытое экономическое благополучие». Тестирование прошли все респонденты, отметившие в качестве причины отказа в 2019 году экономические условия. Данная совокупность матерей-отказниц, как свидетельствуют полученные результаты, оказалась неоднородной и состояла из двух групп. Первая из них (основная группа 1) в процессе прохождения теста имела средний балл $7,4 \pm 0,9$, что означает низкую субъективную оценку собственного экономического благополучия и наличие серьезного беспокойства, обусловленного материальными

сложностями. Доля этой группы составила 38,5% от всех матерей-отказниц, обосновавших свой отказ от новорожденного экономическими причинами.

Средний балл остальных женщин (основная группа 2) составил $37,6 \pm 3,0$, что достоверно ($T < T_{05}$) превышает результаты группы 1. Концепция данного психологического теста предполагает, что получившие по оценочной шкале от 23,97 до 55 баллов в действительности не тревожатся по поводу своего материального благополучия, но используют его для манипуляции общественным мнением. Доля таких респондентов в группе сославшихся на экономические причины отказа составила 61,5%.

Примечательно, что результаты тестирования женщин из группы 2 и женщин с признаками девиантного материнства (контрольная группа) статистически не различаются ($T > T_{05}$). У последних средний балл составил $33,3 \pm 2,3$. Таким образом, эти сравниваемые группы имеют сходную психологическую реакцию на собственное материальное положение – оно их практически не тревожит.

Сравнение медико-социальных характеристик двух данных совокупностей женщин (имеющих признаки девиантного материнства и представляющих основную группу 2) подтвердило их сходство. Так, подавляющее большинство и тех, и других – 97,6 и 87,8% соответственно – не имеют семьи, но при этом у всех есть дети. При 100-процентном в обоих случаях пренебрежении контрацепцией среднее число аборт на одну женщину составляет 2,4 (девиантное материнство) и 2,6 (основная группа 2). В период беременности женскую консультацию не посещали соответственно 90,4 и 87,8% и примерно столько же (84,2 и 87,8%) приняли самостоятельное решение об отказе от ребенка.

Заключение

Совокупные результаты социологического и психологического исследований свидетельствуют о том, что в настоящее время подлинной главной причиной оставления детей в учреждениях родовспоможения является отнюдь не тяжелое материальное положение, которым женщины, согласно уточняющему психологическому тестированию, склонны прикрывать свои истинные мотивы. Экономические условия в структуре ведущих причин отказов не занимают даже второго места, принадлежащего тяжелой патологии новорожденных (25,7%). Действительно главной причиной является сформировавшееся девиантное материнство: им обусловлена половина (51,5%) отказов от детей. Причем практика оставления ребенка в учреждениях родовспоможения всё больше становится маркером общественной деградации женщины, страдающей разнообразными социальными недугами. А тяжелое материальное положение находится в настоящее время лишь на третьем месте в структуре причин отказов от новорожденных – его реальная значимость уменьшилась более чем в четыре раза: с 61,4% в 2015 году до 14,5% в 2019 г.

Кроме того, проблемой остается отказничество со стороны женщин-мигранток из стран ближнего зарубе-

жья: их доля за пять лет выросла в 2,5 раза. Современное российское миграционное законодательство не позволяет сделать профилактику данного явления эффективной. ■

Ольга Александровна Манерова, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения им. Н. А. Семашко ФГАОУ ВО

Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России. Алена Юрьевна Маркина, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России. Автор, ответственный за переписку: Маркина А. Ю., 454092, г. Челябинск, ул. Воровского, д. 64. Телефон 89128938075, markina_alenka@mail.ru

Литература:

1. Балеева, К. И. Причины отказа от новорожденных в современной России/ К. И. Балеева // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 229-237.
2. Быкова, Ю. А. Профилактика социального сиротства и семейного неблагополучия посредством социального сопровождения семей и детей раннего возраста // В сборнике: Молодежь: свобода и ответственность: сборник научных трудов по материалам VI Петровских образовательных чтений. – 2019. – С. 15-19.
3. Самохина, К. И. Проблема отказа от новорожденного в отечественной и зарубежной науке: теоретико-методологический анализ (Подходы)/ К. И. Самохина // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 2 (79). – С. 22-33.
4. Шебалина, Н. А. Основные предпосылки социального сиротства новорожденных детей в современной России/ Н. А. Шебалина // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2013. – № 5. – С. 348-351.
5. Базарова, Е. Б. Раннее выявление семейного неблагополучия как технология профилактики социального сиротства // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 5. – С. 116-119.
6. Mordan, A. The ways of improvement of staffing and structural interaction in a sphere of social security for children / A. Mordan // European Applied Sciences, November-December. – 2014. – 1 (2). – P. 74-77.
7. Beharry, M. S. Diagnosis and treatment of chlamydia, gonorrhoea and trichomonas in adolescents/ M. S. Beharry, T. Shafii, G. R. Burstein // *Pediatr Ann.* – 2013. – Vol. 42 (2). – P. 26-33.
8. Deligeoroglou, E. HPV infection: immunological aspects and their utility in future therapy/ E. Deligeoroglou, A. Giannouli, N. Athanasopoulos // *Infect Dis Obstet Gynecol.* – 2013. – Vol. 13. – P. 54-59.
9. Doss, B. D. The transition to parenthood: impact on couples' romantic relationships/ B. D. Doss, G. K. Rhoades // *Current Opinion in Psychology.* – 2017. – Vol. 13. – P. 25-28.
10. Денисов, О. В. Первичная профилактика раннего социального сиротства: метод. рек. для врачей/ О. В. Денисов, Э. А. Казачкова. – Челябинск, 2009. – 20с.
11. Дубинина, О. И. Готовность будущих юристов к профилактике социального сиротства как научно-исследовательская проблема // *Современные наукоемкие технологии.* – 2016. – № 9-1. – С. 113-117.
12. Nolvi, S. Maternal postnatal psychiatric symptoms and infant temperament affect early mother-infant bonding/ S. Nolvi, L. Karlsson, D.J. Bridgett // *Infant Behavior & Development.* – 2016. – Vol. 43. – P. 13-23.
13. Балеева, К. И. Отказы от новорожденных: динамика проблемы и актуальность её современной в России / К. И. Балеева // *Научный журнал КубГАУ.* – 2015. – №111(07). – С. 1-18.
14. Corder, G. W. *Nonparametric Statistics: A Step-by-Step Approach*/ G. W. Corder, D. I. Foreman. – Willey, 2014. – 288p.